

Пьянов А. И.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/1/91.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 1 (1). С. 195-200. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ

Пьянов А. И.

Северо-Кавказский государственный технический университет

Семья и государство принадлежат к базовым элементам институциональной структуры общества, иными словами: это ведущие социальные институты общества, находящиеся в непрерывной диалектической взаимосвязи и взаимодействии. Отметим, что в социологическом аспекте взаимоотношения семьи и государства освещены слабо. Отчасти это объясняется тем, что в нашей социально-философской и социологической литературе основное внимание уделялось раскрытию взаимосвязи государства с экономикой, определению роли производства в развитии и смене форм семьи. Вопрос же о взаимодействии государства с другими элементами надстройки и с общественными явлениями, не относящимися ни к базису, ни к надстройке, к которым принадлежит семья, почти не разработан. В результате возникла иллюзия, что развитие семьи всецело зависит от экономики, влияние же государства и его политики явно недооценивалось. Равным образом не учитывалось и обратное влияние семьи на экономику, право и государство.

Занимая прочное место в системе общественных отношений, семья всегда была объектом особого внимания со стороны государства. Сам характер объективной связи, существующий в триаде: семья – государство – общество, обуславливает сложный, диалектически противоречивый процесс взаимодействия этих частей.

Игнорирование прямой и непосредственной связи между семьей, с одной стороны, и обществом и государством с другой, опирается на ложный тезис о том, что эволюционные сдвиги в семье поколебали ее статус как социального института, превратили семью в сферу личных взаимоотношений супругов, родителей и детей, в силу чего связь семьи с обществом утратила необходимый респонсивный характер.

Диалектический метод исследования рассматривает семью не как изолированную систему, а в связи со всем комплексом общественных явлений, находящихся в постоянном движении, развитии, в той диалектической взаимосвязи и взаимодействии, которая существует в самой реальной действительности между семьей и обществом, семьей и государством, выступающими как различные формы человеческого бытия. К.Маркс писал: «В реальной действительности частное право, мораль, семья, гражданское общество, государство и т.д. продолжают существовать по-прежнему, они только стали моментами, формами существования и наличного бытия человека, которые не имеют силы изолированно друг от друга, отменяют друг друга, порождают друг друга и т.д.» [Маркс, Энгельс 1956: 167].

В различные исторические эпохи может существовать или равное отношение семьи и учреждений власти по поводу ответственности индивида за свои действия, то есть ответственности индивида перед семьей и тем самым перед обществом, или же преобладание непосредственной личной ответственности перед государством. Последнее обстоятельство связано с отношением государства к семье как к объекту управления и манипулирования, а не как к относительно автономной системе, независимой от государства. С одной стороны, такое восприятие семьи способствует прямому и косвенному вмешательству государства в регламентацию отношений супругов, родителей и детей, родственников. С другой стороны, дает возможность для личности ориентироваться непосредственно на внесемейные институты, минуя семью, видоизменяет и само семейное поведение индивидов, их внутрисемейные роли. Именно такие объектно-субъектные отношения (в которых государство выступало в качестве субъекта, а семья в качестве объекта социального воздействия) складывались между двумя социальными институтами российского общества – семьей и государством на протяжении XX века.

Такое положение вещей в России имеет свои объективные исторические закономерности. Примат государства над личностью, семьей и обществом – это специфика исторического развития нашей государственности. С этой точки зрения, вся история государства Российского – это скрытая и открытая конфронтация между государством и обществом. «В нашей истории либо власть «давила» свой народ, либо народ «давил» свою власть. Согласие, объединение этих сторон наступало лишь тогда, когда внешний враг или природные катаклизмы угрожали самому бытию российского общества, в экстремальных ситуациях его жизни и развития. В отличие от стран Запада, государство в России всегда отличалось чрезмерной авторитарностью в своих решениях и действиях, склонностью к административному давлению, насилию и единовластию. Именно оно определяло, что народ должен делать, как себя вести, что говорить и о чем думать и мечтать. Именно государственная власть, правящая элита во многом определяла историю России, была ее движущей силой. История народа принадлежит царю, подчеркивал еще Н. М. Карамзин. И лишь когда государственная власть далеко выходила за рамки народного терпения, в России поднимались народные бунты и революции, происходила дезорганизация социума» [Воронович, Горелов, Турокало 1999: 29].

Именно поэтому автор считает необходимым остановиться на анализе малоисследованных социологических проблем взаимосвязи и взаимодействия семьи и государства. При этом основной акцент сделать на выявлении диалектики взаимоотношений данных социальных институтов российского общества в XX веке.

На протяжении почти всего этого столетия Россия находилась в кризисе институциональных структур. Почти сто лет происходит ломка, модернизация, возникновение новых социальных образцов, утрата старых в сфере общественных отношений. Семья как структурообразующая система общественной жизни фокусировала все кардинальные изменения, происходящие в российском обществе.

За этот исторический отрезок времени функции семьи как социального института редуцировались и частично передавались или замещались другими социальными институтами общества, прежде всего, государством.

Для того, чтобы понять как происходил этот процесс необходимо обратиться к истокам новейшей истории России. Октябрьская революция 1917 года принесла семье насильственное ее реформирование. Мероприятия советской власти по реформированию семьи были продиктованы коммунистической идеологией, объявлявшей «буржуазную» семью виновной в моральной и социальной патологии. Поскольку семья – наиболее консервативное убежище старого режима, основанного на частной собственности, задача советской культурной революции – лишить семью этого ее недостатка, т. е. способности быть «консервативным убежищем». При этом задача сделать семью «прогрессивным убежищем» нового режима даже не выдвигалась новой властью: ведь теперь именно трудовой коллектив должен стать «убежищем» для советского человека. Семье в воспитании «нового человека» отводилась второстепенная роль – дошкольные и школьные учреждения были призваны исправлять «негативное» воздействие семьи на формирование личности. Одновременно семейное домохозяйство, «семейный быт» постоянно оказывались ответственными за закрепощение женщины, за ее отвлечение от борьбы наравне с мужчинами за идеалы рабочего класса.

В декабре 1917 года Декретами ВЦИК и СНК «О гражданском браке», «О расторжении брака» был разрушен старый институт брака и положено начало формированию новой, социалистической семьи. В этом документе особо подчеркивалась добровольность брака, его светский, гражданский характер и упрощенность развода. Этим актом был нанесен сильный удар по идеалу святости брака, веками поддерживаемого церковью, а упрощение процедуры развода ослабляло ответственность супругов друг перед друг другом и перед детьми. В 1926 году в «Кодекс о семье» было внесено положение, предусматривающее необязательность законной регистрации брака, так как считалось, что акт регистрации ущемляет свободу и чувства любящих людей разного рода формальностями. Этими правительственными постановлениями началось фронтальное идеологическое наступление Советской власти на институт семьи и брака.

Леворадикальное крыло большевиков в семейном и женском вопросе, в лице таких видных деятелей РКП (б), международного коммунистического и женского движения как И. Ф. Арманд и А. М. Коллонтай, ратовало не только за вытеснение семейного быта бытом общественным, но и за ликвидацию института семьи как такового. Самым крупным идеологом этого направления в первые годы советской власти была А. М. Коллонтай. И. Ф. Арманд скончалась в 1920 г.

Выступая в 1918 году на I Всероссийском съезде работниц, А. М. Коллонтай заявляла: «Теперь, при переходе к социализму, домашнее хозяйство является вредным пережитком старины... Отсталое кабальное домашнее хозяйство должно исчезнуть» [Коллонтай 1919: 23]. Она полагала, что «семья как хозяйственная единица с точки зрения народного хозяйства должна быть признана не только бесполезной, но и вредной» [Коллонтай 1919: 24]. «Коммунистическое хозяйство, – писала А. М. Коллонтай, – упраздняет семью, семья утрачивает значение хозяйственной ячейки с момента перехода народного хозяйства в эпоху диктатуры пролетариата», аргументируя это тем, что «во-первых, в семье неэкономично расходуется топливо, во-вторых, нерационально используются продукты питания, в-третьих, непроизводительно затрачивается труд на обслуживание семьи, в-четвертых, быт не должен быть бытом только брачной пары» [Коллонтай 1923: 87].

В «Тезисах о коммунистической морали» она подчеркивала: «Семья, воспитывая и утверждая эгоизм, ослабляет скрепы коллектива и этим затрудняет строительство коммунизма» [Коллонтай 1921: 29].

Несмотря на спорность этих утверждений, это мнение было воспринято как политическая установка в первые годы советской власти.

Были пресечены даже робкие выступления в печати о необходимости при строительстве нового быта учитывать европейские традиции. За этим бдительно следили женотдел и политпросвет ЦК РКП (б). Заведующая женотделом ЦК РКП (б) И. Ф. Арманд предельно конкретизировала предстоящие реформы семьи в следующих словах: «Сугубые мещане хотели сохранить семью. Но речь идет о революции самого института семьи. Ибо нельзя провести всеобщей трудовой повинности... не освободив женщину от печного горшка» [Арманд 1920: 3]. Касаясь вопроса семейного воспитания, она писала в 1919 году: «... мы уже начали вводить общественное воспитание детей и уничтожать власть родителей над детьми» [Арманд 1926: 40].

На разумные предложения некоторых представителей интеллигенции о необходимости изучения европейского опыта в создании государственной помощи семейному быту последовало возражение ЦК ВКП (б): «Задача состоит в том, чтобы облегчить только индивидуальный быт за счет строительства общественного быта. Сейчас лучше пострадать со старыми мочалками, утюгами, сковородами, с тем, чтобы имеющиеся средства и силы бросить для устройства общественных учреждений, которые упразднят семейный быт» [Семейная политика в СССР 1997: 96].

На эти высказывания ссылались не только «агитки» Главполитпросвета, но и газетная публицистика. Более того, темы «исторического крушения брака и семьи» и «свободной любви» стали предметом рассмотрения художественной литературы 20-х годов. Созданные ею культурные образцы «новой женщины», беспечно предоставлявшей свое место на коммунальной кухне вовремя подвернувшейся домработнице и устремлявшейся к «творческому труду», не могли предвидеть всех психологических и социальных последствий, которые проистекут из этого в отношениях между полами, в быту, и в самом институте семьи.

Советская власть, осуществляя свои регулятивно-авторитарные функции, тем самым вторгалась в наиболее интимную сферу человеческого существования, разрушая семейные основы. Опирающиеся на «благие» намерения мероприятия власти были направлены на противопоставление двух важнейших сторон жизни семьи, благодаря единству которых она существует и может существовать в качестве социального института и малой социальной группы. Намеренное занижение ценности сексуальных и брачных уз, ценности кровного родства, отцовства и материнства лишало семью морально-психологической общности, нравственной ответственности и взаимопомощи. Все это не могло не сказаться на устойчивости семьи как социального института и на качестве воспитания новых поколений.

Печальные последствия подобного радикализма в отношении институтов семьи и брака не замедлили сказаться уже в конце 20-х годов. Так, например, заведующая отделом охраны материнства Народного комиссариата здравоохранения РСФСР В. Лебедева писала: «Мы не можем обращаться к женщине с призывом «Рожать!», когда мы ежегодно хороним до 2-х миллионов младенцев» [Лебедева 1923: 3].

Основные положения стратегии 20-х годов в области государственной идеологии и политики в отношении семьи можно свести к следующим позициям:

- уничтожение частной собственности не может быть успешным без уничтожения семейного быта;
- отрыв женщины от семьи с целью привлечения дешевого женского труда в дело социалистического строительства;
- революция во внутрисемейных отношениях и разрушение традиционных семейных уз;
- ликвидация религиозной регламентации семейной жизни;
- общественное воспитание детей с целью пресечения влияния «частнособственнической» психологии родителей;
- искоренение этнокультурных бытовых традиций семьи как архаичных;
- формирование мощной по воздействию государственной политики в отношении института семьи и материнства;
- ослабление посреднической роли семьи между личностью и обществом;
- превращение человека в социально управляемую единицу;
- отстранение семьи от воспитания личности, подчинение интересов личности интересам и идеологическим установкам коммунистической партии.

Эта политика имела следующие драматические последствия:

- игнорировалось право человека на выбор модели семьи;
- игнорировалась социокультурная природа материнства;
- игнорировалась социокультурная роль семьи как посредника между личностью и обществом;
- разрывались традиционно сложившиеся этнокультурные связи между поколениями, обеспечивающие через традиции и обычаи социальное благополучие и порядок в обществе;
- отдаляя детей от родителей, советская власть добивалась их информационной изоляции от семьи.

Кроме того, игнорировались сложившиеся в течение тысячелетия, традиции закрепления семейных ритуалов в церковной символике. Борьба государства и церкви за влияние на семью, увенчалась в советское время полным отделением церкви от семьи и усилением тоталитарного давления государства на личность.

Что же удалось изменить в институте семьи за первые годы социалистического развития? Влияние семьи как социального института заметно ослабилось в двух отношениях:

- 1) ликвидировав частную собственность, государство чрезвычайно ограничило возможности семьи как агента экономических отношений, практически свело на нет ее деятельность как самостоятельно хозяйствующего субъекта, тем самым, парализовав производственно-экономическую функцию семьи;
- 2) провозгласив историческую обреченность семьи, как социально-культурного феномена классового эксплуататорского общества, объявив ее виновной в социальной и моральной патологии, государство взяло на себя главную роль в социально-культурном воспитании детей, то есть стала осуществлять функции социализации и первичного социального контроля семьи через дошкольные и школьные учреждения и общественные детские организации.

Стремление воспитать «нового» человека, минуя семью, односторонне, как результат мистического расщепления мысли, полагаясь лишь на «совокупность общественных отношений», обнаружило свою несостоятельность. Эта политика привела к установлению двойного стандарта ценностных ориентаций личности, когда над семейными ценностями начинают господствовать профессиональная деятельность, повышение квалификации, социальное положение, политические предпочтения.

Тем не менее, несмотря на настойчивое стремление привить семье принципы социалистического коллективизма, семья в значительной степени сохранила присущие ей традиционные нормы и ценности межличностной среды общения, эмоциональной среды обитания. «Живучесть» семьи можно объяснить первичностью внутрисемейных отношений, когда каждый участник взаимодействия ощущает себя уникальной личностью, а не обезличенным исполнителем социальных ролей. Как специфически малая группа, основанная преимущественно не на институциональных формах (традиции, нормы, ценности), а на межличностных интересах, семья продолжала играть важную роль в социализации личности. В этом отношении в России и в промышленно развитых странах Запада наблюдались сходные процессы: семья могла и может влиять на формирование личности независимо от совокупных общественных отношений более эффективно, чем другие социальные институты, нередко действуя вне связи с ними и вопреки им.

Кроме того, семья как социальный институт создается и видоизменяется не под влиянием указаний и приказаний. Ее относительная обособленность обеспечивает те элементы суверенитета и самодостаточности, которые позволяют ей сохранить свою социокультурную определенность. Американский социолог М. Элмер отмечал, что «Семья – это социальный институт, обеспечивающий механизм, через который работает социальное наследие. Семья как социальный институт построена и видоизменяется народными обычаями и нравами» [Elmer 1947: 198]. Именно поэтому, по мнению другого американского исследователя семьи Р. Линтона, семья «будет существовать в той или другой форме до тех пор, пока существуют люди» [Linton 1959: 30].

В советские времена произошла переоценка того, что именно семья является той эмоционально окрашенной средой, где человек находит душевный покой и одухотворение. Считалось, что теперь эти функции с успехом может взять на себя трудовой коллектив. Но очень скоро эйфория по поводу педагогических возможностей социального коллектива поубавилась. В исследованиях российского социолога З. А. Янковой была доказана несостоятельность политики отторжения детей и внуков от их родителей, полностью переложив процесс социализации и воспитания на детские учреждения образования и детские общественные организации. Кроме того, выяснилось, что лишь 10% взрослых детей хотят жить подальше от своих родителей. Более половины отдельно живущих взрослых детей в своих нуклеарных семьях праздники проводят со своими родителями [Янкова 1977: 38]. Последующее исследование этой проблемы В. Ю. Кокоревым подтвердило эти выводы [Кокорев 1997: 80-83].

Как указывалось выше, Советское государство пыталось решить проблемы воспитания нового человека самостоятельно, минуя семью. Этим самым был нанесен ущерб еще одной функции семьи – функции первичного социального контроля. Отечественные социологи семьи А. И. Антонов и В. М. Медков утверждают, что семья является основной ячейкой социального контроля, и, как социально-психологическая целостность, именно семья должна оказывать социализирующее воздействие на личность. В семье закладываются основы воспитания нового человека; семья формирует мировоззрение ребенка; он ориентируется, прежде всего, на членов семьи и других родственников, и лишь затем на социальное окружение и общество в целом [Антонов, Медков 1996: 219]. Семья регламентирует взаимоотношения между родственниками и индивидуальные потребности членов семьи. По существу, нормированием и санкционированием всех жизненных ситуаций и отношений семья осуществляет и системно реализует функцию социального контроля.

Уже цитированный нами М. Элмер, в своем фундаментальном труде «Социология семьи», высказал мысль, согласно которой «семья является основной единицей социального контроля и должна его осуществлять не только в отношении детей, но и в отношении взрослых, так как поведение индивида в обществе определяется воспитанием, полученным в раннем детстве» [Elmer 1947: 222].

Советский социолог М. А. Кириллова полагала, что Элмер «абсолютизирует роль семьи в формировании индивида, полностью возлагая на нее ответственность за его поведение» [Кириллова 1970: 175]. На наш взгляд, ничего подобного в высказанной мысли М. Элмера нет. Он никоим образом не снимает ответственности за социальный контроль со стороны общества.

Функция социального контроля должна быть той частью семейной политики, которая призвана укреплять семью как социальный институт. Естественно, что укрепить семью как социальный институт можно только при очень осторожном вмешательстве государства в семейную жизнь. При помощи и поддержке государства можно преодолеть те трудности, которые могут возникнуть в тех или иных семьях, исходя из различных жизненных обстоятельств.

В послевоенные годы советская власть вынуждена была бесшумно отойти от радикальных прокламаций 20-х годов в отношении семьи. Это нашло отражение и в законодательных актах. В отличие от Конституций СССР 1924 и 1936 годов в Конституцию СССР 1977 года была внесена статья, обязывающая родителей нести ответственность за воспитание детей, что стало молчаливым признаком провала политики нивелирования роли семьи в деле воспитания подрастающих поколений. Правда, каких-либо практических последствий в правовом статусе семьи эта Конституция не имела.

Необходимо отметить и тот факт, что за время господства Советской власти существенным образом была ослаблена репродуктивная функция семьи. Поясним это положение следующими историческими фактами: вызванные революцией 1917 года гражданская война, голод, разруха, массовая беспризорность детей, создание ГУЛАГА, скученность быта, отсутствие эффективной системы здравоохранения в 20-х годах; затем индустриализация и коллективизация, политические репрессии, насильственное переселение народов в 30-х и 40-х годах, вызвали широкомасштабные депопуляционные процессы в советском обществе и дважды – в начале 30-х и в начале 40-х годов – ставили страну на грань демографической катастрофы.

Долгие годы предметом гордости Страны Советов считалось отсутствие безработицы. Был провозглашен принцип: «Кто не работает, тот не ест!» Доведенный до абсурда, этот принцип предполагал наименьшую занятость родителей в воспитании детей. Государственная власть негласно поддерживало развитие семьи от многодетности в сторону однодетности. В повседневной жизни это проявлялось в том, что женщине с ребенком или беременной (особенно не работающей) труднее было (трудно и теперь) устроиться на работу, поступить учиться, организовать свой отдых с детьми.

В социальной гигиене и гендерной демографии научная мысль занималась преимущественно изучением социальной практики предупреждения беременности, чтобы женщина случайно не родила «лишнего», т.е. непланового, ребенка. Девальвация семейных ценностей приводила к тому, что миллионы женщин, опасаясь

«внепланового» рождения ребенка, прибегают к ограничению рождаемости посредством контрацепции, или, если не удается избежать зачатия – к прерыванию беременности. По расчетам советского демографа М. В. Курмана, женщине, не желающей рожать, но ведущей активную половую жизнь, приходится свыше двух десятилетий своей жизни думать о том, как обеспечить себя эффективной контрацепцией. Поскольку ее эффективность оценивается в 25%, ей не миновать прерывания беременности хирургическим путем, что небезопасно для здоровья. В России количество аборт в 4 раза больше, чем, например, в Европе [Курман 1987: 27]. Это также способствовало ослаблению репродуктивной функции семьи. Очередная смена одной общественно-экономической формации в России другой, вызвавшая тотальный системный кризис в 90-х годах XX века, привела к тому, что наша страна в третий раз, в течение одного века, была поставлена перед фактом демографической катастрофы.

Все выше перечисленные негативные последствия политики Советского государства в отношении семьи как социального института заключались в том, что институт общественной собственности в СССР не смог обеспечить семье институциональную поддержку по ряду причин.

Во-первых, семья рассматривалась как среда, где человек заражается мешанско-индивидуалистической психологией, что противопоставило ее в качестве малой группы социальному институту.

Во-вторых, неэффективность социалистической системы общественного производства не способствовала созданию соответствующего общественного быта, функционирование которого направлено на поддержку семьи и семейного быта.

В-третьих, социальные институты общества слабо учитывали социально-психологические особенности семьи. Как социально-психологическая малая группа, современная семья строит взаимоотношения своих членов на основе принципов «малой демократии», которые находятся в диссонансе с социальными институтами, не расстающими с принципами тоталитаризма в своих отношениях с семьей. По ряду позиций во взаимопонимании, в потребностях, ценностных ориентациях социальные институты остаются невосприимчивыми к нуждам семьи, и если реагируют на них, то всегда с отставанием и задержкой.

Эта неспособность социальных институтов отражает изначальное противоречие: институт семьи ориентирован на себя, на семейный образ жизни, и, следовательно, на экзистенциальное возобновление поколений в обществе, тогда как социальные институты ориентированы на реализацию целей по собственному сохранению. Успех выживания институтов не гарантирует обществу благополучия, тогда как семья в качестве института организует и реализует свой образ жизни так, чтобы ее члены успешно функционировали в социальной системе.

Советское государство опасалось подлинной семейной автономии и пользовалось подчиненным положением семьи, в том числе в системе наемного труда и его оплаты.

Противоречие, заключенное в межсистемных отношениях, взаимно истощало потенциал семьи и государства в реализации еще одной важной функции семьи как социального института – функции социальной адаптации растущего поколения на основе традиций национальной культуры, пользуясь тем, что семья без помощи общества и его социальных институтов не может самостоятельно реализовать эту функцию. Идеологическая линия партии в этом направлении определялась такими «теоретическими» мифологемами советского марксизма, как «у пролетариата нет национальности» – в эпоху строительства государства диктатуры пролетариата, а затем, в 60 – 80-е годы – задачами формирования новой исторической общности – советского народа.

Та настойчивость и последовательность, с которой советская власть проводила свою социально-экономическую и культурно-идеологическую политику в отношении семьи, до 90-х гг. XX века если и подлежала комментариям в социологии, то в обязательном порядке в положительных определениях, в превосходной степени. Постепенно, не сразу новая эпоха устранила это насильственное «зашоривание» мысли. Иногда резко, иногда осторожно, с оглядкой, в 90-гг. стали писать и о семейной политике Советского государства. В социологических исследованиях А. И. Антонова, В. А. Борисова, О. В. Дорохиной, С. В. Дармодехина, Л. Е. Дарского, О. Н. Дудченко и др. прямо или косвенно ставился вопрос: имела ли место в СССР сознательная политика, направленная на разрушение семьи?

Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Но, нам кажется, можно с определенной уверенностью утверждать следующее: *постоянно стремясь к установлению тотального контроля над своими гражданами, Советское государство никогда не прекращало попыток ограничения автономии семьи как социального института в реализации своих социально-экономических и политико-идеологических потребностей. Этим оно объективно способствовало редукции институциональных функций семьи путем передачи их другим социальными институтами и общественно-политическим организациям. Семья оказалась в подчиненном положении по отношению ко всем социальным институтам советского общества. Более того, никогда семья не была объектом столь мощного экономического, политического и культурного манипулирования со стороны государства. Институту семьи как субъекту социально-правовых отношений не было места в советском правовом пространстве. Советская семья выступала только в качестве объекта государственно-правового регулирования* (курсив наш – А. П.).

Данная оценка может показаться в некотором смысле весьма негативной, если ее не дополнить следующим замечанием по поводу причин возникновения подобных последствий и об их результатах.

Наиболее тяжелыми последствиями господства тоталитарного Советского государства для российской семьи как социального института, пошатнувшим сами ее основы, явились:

Во-первых, отчуждение семьи от права частной собственности и как следствие – ограничение экономико-производственной функции семьи.

Во-вторых, последствием элиминирования этой функции явилось изъятие права наследования частной собственности, на чем, как известно, в значительной степени зиждется связь между поколениями.

В-третьих, разрыв этой связи подорвал действие сложившегося этнокультурного механизма передачи национальных традиций из поколения в поколение, способных выполнять социально-регулятивную функцию поведения, особенно подрастающих поколений.

В-четвертых, деприватизация экономико-производственной функции семьи породила социальное иждивенчество и неоправданные надежды на удовлетворение витальных потребностей за счет общественного распределения, а в итоге – утрату индивидуальной инициативы в реализации изначально присущей семье заботы о материальном ее благополучии.

В-пятых, огромное деструктивное влияние на институт брака как организационно-правовую форму семьи оказали процессы его секуляризации и своеобразного «правового остракизма».

В-шестых, установление примата государства над личностью привело к тому, что в эти годы семья практически утратила свою посредническую функцию между личностью и обществом.

Анализ приведенного выше материала, на наш взгляд, в достаточной степени доказательно свидетельствует о негативном влиянии советской власти на разрастание кризиса семьи как социального института. Во многом это влияние до сих пор определяет функционирование социального института семьи в постсоветской России, кризис которого был еще более углублен транзитивным состоянием российского общества, переживавшем очередную трансформацию общественного строя в 90-е годы XX века.

Список использованной литературы

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ. 1996. – С. 219.
2. Арманд И. Ф. За социальную переделку быта // Работница. – 1920. – № 4. – С. 3.
3. Арманд И. Ф. Коммунистическая мораль и семейные отношения. – Л., 1926. – С. 40.
4. Воронович Б. А., Горелов О. И., Турокало В. П. Управление реформами. – М.: РАГС, 1999. – С. 29.
5. Кириллова М. А. О некоторых проблемах брака и семьи в современной американской социологии // Социальные исследования. Вып. 4. – 1970. – С. 175.
6. Кокорев В. Ю. Культура молодежи: самоидентификация в системе национальной культуры (диссертация). – СПб., 1997. – С. 80-83.
7. Коллонтай А. М. Семья и коммунистическое государство. – Киев – 1919. – С.23.
8. Там же. – С. 24.
9. Коллонтай А. М. Труд женщины в эволюции хозяйства // Лекции, прочитанные в Университете имени Я.М.Свердлова. – М., 1923. – С. 87.
10. Коллонтай А. М. Тезисы о коммунистической морали // Коммунист. –1921. – № 12. – С. 29.
11. Курман М. В. Динамика среднего числа детей в семье в СССР //Подрастающее поколение. Демографический аспект. – М., 1987. – С. 27.
12. Лебедева В. Самоистребление человечества // Коммунист. – 1923. – № 9. – С.3.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 42. – М., 1956. – С. 167
14. Семейная политика в СССР. – М., 1997. – С. 96.
15. Янкова З. А. Взаимоотношения нуклеарной семьи со старшими поколениями и родственниками // Взаимоотношения поколений в семье. – М., 1977. – С. 38.
16. Elmer M. Sociology of Family. – New York, 1947. – P. 198.
17. Elmer M. There is also. – P. 222.
18. Linton R. The Natural History of the Family // The Family its Junction and Destiny. – New York, 1959. – P. 30.

ЗАБЫТЫЙ ПРИНЦИП С.Л.РУБИНШТЕЙНА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ

Разина Т. В.

Сыктывкарский государственный университет

«...необходимо не оперирование одними лишь статистическими средними, а анализ конкретных индивидуальных случаев, потому что действительность конкретна и лишь ее конкретным анализом можно раскрыть реальные зависимости.

Принцип индивидуализации исследования должен быть существеннейшим принципом нашей методики».

С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии.

Методологический принцип индивидуализации, провозглашенный С.Л. Рубинштейном более полувека назад, взятый нами в качестве эпиграфа, к сожалению, до сегодняшнего дня остается только декларативным утверждением, больше красивой фразой, чем конкретной методологической рекомендацией, указанием к организации и проведению исследований. Во многом это связано с тем, что методология качественных ис-